На правах рукописи

Кадырбекова Толкунай Кадырбековна

КРАНИОЛОГИЯ МОРДВЫ XVII–XVIII ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЛЕВЖА)

Специальность 5.6.4. – этнология, антропология и этнография (исторические науки)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Москва – 2026

Работа выполнена в Центре антропоэкологии ФГБУН Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Научный руководитель:
Дубова Надежда Анатольевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром антропоэкологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Официальные оппоненты:
Евтеев Андрей Алексеевич – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института и Музея антропологии имени Д.Н. Анучина Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Широбоков Иван Григорьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Ведущая организация
Самарский государственный социально-педагогический университет.

Защита состоится «___» _____ 202__года в_____на заседании Диссертационного совета Д002.117.01.XX (24.1.194.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук, ученой степени доктора исторических наук, созданного на базе ФГБУН Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а, корпус «В», 18 этаж, Малый зал. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН: www.iea-ras.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 202__г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук _____ О.Б. Наумова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г. мордва – самый многочисленный народ финно-угорской языковой группы в России[1].

Несмотря на обширную территорию расселения этого народа, происхождение древних мордовских племён продолжает вызывать споры. В силу недостаточной изученности отдельных хронологических периодов и ограниченного количества палеоантропологических материалов не представляется возможным определить компонент, сыгравший главную роль в становлении и формировании мордвы[2].

В настоящее время мокша и эрзя представляют собой ключевые структурные подразделения мордовского этноса. Они отличаются этническим самосознанием, особенностями культуры и быта, своеобразием языков. Помимо этих двух основных групп, выделяют ещё шокшу и каратаев как отдельные локальные группы. Согласно этнографическим данным, до середины XX в. в структуре мордовского этноса фиксировалась ещё одна группа – терюхане. Отличительной чертой этих групп (в сравнении с мокшей и эрзей) было отсутствие этнического самосознания при сохранении отдельных элементов культурных особенностей. Следует отметить, что наименования «терюхане», «каратаи», «шокша» не являются самоназваниями групп и были присвоены исходя из географического положения, отражая территорию, на которой данные группы проживали[3].

К настоящему времени в научном обороте имеется лишь ограниченный объём краниологических данных, который явно недостаточен с учётом территориальной дифференциации и хронологической принадлежности погребений. При этом археологические и этнографические данные не всегда позволяют однозначно отнести памятники (в частности, могильники) к какой-либо субэтнической группе мордвы. Также не представляется возможным осуществить такую атрибуцию на основании погребального инвентаря, особенно в отношении могильников раннего Нового времени (Рузлатский, Старо-Печеурский, Старо-Ексарский, Мачкасский, Армеевский

---

[1] Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 1. Численность и размещение населения Республики Мордовия [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. 2022. С. 5. URL: 13.rosstat.gov.ru, (дата обращения – 09.02.2025); Логинова Н.Н. Динамика численности населения республики Мордовия // Географический вестник, 2008. № 1. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-chislennosti-naseleniya-respubliki-mordoviya (дата обращения – 11.10.2025); Мордовия: статистический ежегодник / Под ред. И.В. Парамоновой. Саранск: Мордовиястат, 2023. 381 с.

[2] Акимова М.С. Краниологическая характеристика мордвы-эрзи // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Мордовской этнографической экспедиции / Отв. ред. В.Н. Белицер, К.А. Котков. М.: Наука, 1960. Вып. 1. С. 83–117; Алексеев В.П. Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи их проблемами их происхождения: дис. ... д-ра ист. наук. М.: АН СССР. ИЭ, 1967а. 681 с.; Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.

[3] Корнишина Г.А. Структура мордовского этноса: методологические аспекты проблем // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования, 2015. № 2 (30). С. 10–18.

2, Муранский, Аткарский могильники)[4]. Совокупность этих факторов ограничивает возможность охарактеризовать мордву в антропологическом отношении отдельно от синхронных групп населения сопредельных территорий и не позволяет сделать более точные и детальные выводы о генезисе мордовского этноса. Из-за крайней немногочисленности и фрагментарности материалов, не дающих цельного представления о картине антропологического состава мордвы, период, близкий к современности, изучен слабо. Многие источники ещё не введены в научный оборот, а все имеющиеся на сегодняшний день данные не могут считаться представительными для характеристики позднего населения.

Изучение краниологических материалов представляет особую ценность в исследовании проблем происхождения, формирования древних и современных популяций. Череп является одним из важнейших источников сведений о расовых особенностях человека[5], что обусловлено наследственным характером исследуемых признаков. Его морфологические характеристики позволяют получить дополнительные данные, которые существенно дополняют представления о расовых комплексах, выявляющихся при изучении живого населения[6]. Краниометрические данные благодаря унифицированности приемов измерения в методическом аспекте обеспечивают возможность перехода от изучения палеоантропологических материалов к результатам исследования современного населения. Это даёт возможность сравнения материалов по близкому к современности населению с более древним с той же территории и опосредованно – с современным[7].

Таким образом, введение в научный оборот новых краниологических материалов и их исследование актуально не только с точки зрения формирования представлений об антропологическом составе мордвы раннего Нового времени, но и для выводов о происхождении и истории сложения этого этноса.

Степень разработанности темы исследования

В работах, посвящённых антропологическому изучению мордвы, основное внимание уделялось исследованию живого населения. В них были показаны особенности различных субэтносов, в частности, мокши и эрзи. Данные соматологии позволяют проследить процесс изменения

---

[4] Арзютов Н.К. Мордва XVII–XVIII вв. (По археологическим коллекциям Нижне-Волжского краевого музея // Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов: Огиз РСФСР. Нижневолжское краевое отделение, 1932. С. 32–56; Гончарова Н.Н., Конопелькин Д.С. Новые данные к антропологии финских племен Верхней Волги и бассейна Оки // Физическая антропология: методики, базы данных, научные результаты / Отв. ред. А.В. Громов. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2014. С. 89–103.

[5] Алексеев В.П. 1969. С. 72.

[6] Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.; Алексеев В.П. 1969. С. 48–57; Алексеев В.П. Историческая антропология: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1979. 216 с.

[7] Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. С. 3; Алексеев В.П. 1969. С. 35–36; Алексеев В.П. 1979. С. 85–86; Юсупов Р.М. Краниология башкир. Л.: Наука, 1989. 198 с.

морфологической специфики популяций в пространстве, однако, как правило, не дают прямого ответа на вопрос об их древности и этапах формирования[8].

Первые материалы, происходившие из эрзянских (сёл Атяшево и Шугурово) и мокшанского (близ д. Возжа) кладбищ, были изучены С.М. Чугуновым[9] в Симбирской губернии (или: на территории современной Республики Мордовия). Материалы, посвящённые краниологии мордвы, определению её морфологического облика, состава и происхождения, представлены также в работах Г.Ф. Дебеца[10], М.С. Акимовой[11], В.П. Алексеева[12], Т.И. Алексеевой[13], И.Р. Газимзянова[14], А.А. Хохлова[15], Д.С. Иконникова, О.В. Калмина, О.А. Калминой[16], С.В. Васильева[17] и др. Благодаря этим исследованиям сформировалось представление об антропологических особенностях мордовского населения.

---

[8] Алексеев В.П. 1969. С. 34.

[9] Чугунов С.М. Результаты антропологической экскурсии к мордве Симбирской губернии в 1880 г. Казань: Типография Императорского Университета, 1882. 34 с.

[10] Дебец Г.Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // Антропологический журнал, 1932. № 1. С. 54−73; Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии. Т. IV. М.; Л.: АН СССР, 1948. 392 с.

[11] Акимова М.С. 1958; 1960.

[12] Алексеев В.П. 1969.

[13] Алексеева Т.И. Черепа из Муранского могильника // Советская антропология, 1959. № 1. С. 67–79; Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1973. 330 с.

[14] Газимзянов И.Р. Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии (реконструкция этногенетических процессов): дис. … канд. ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2001. 269 с.; Газимзянов И.Р. Антропология средневекового Барбашинского могильника // Краеведческие записки, 2010. № 14. С. 149–172; Газимзянов И.Р. Краниологические материалы Усинского II могильника (к вопросу об этногенетических процессах в Самарском Поволжье в золотоордынское время) // Самара: Изд-во СГСПУ, 2023. С. 255–260.

[15] Хохлов А.А. Антропологическая характеристика погребенных в Барбашинском могильнике (раскопки 2011–2012 гг.) // Новые археологические исследования на территории города Самары / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Ас Гард, 2012. С. 106–114; Хохлов А.А. Антропологическая характеристика погребенных в Барбашинском могильнике (раскопки 2013 г.) // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СНЦ РАН Самара 2014. С. 35–41.

[16] Иконников Д.С., Калмин О.В., Калмина О.А. Восточный компонент в составе средневековой мордвы: по материалам Ражкинского могильника (предварительные данные) // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: сборник статей II Международной научно-практической конференции, 2015. С. 36–45; Иконников Д.С., Калмин О.В., Калмина О.А. Краниологические материалы Голицынского могильника (предварительные данные) // Вестник Пензенского государственного университета, 2017а. № 1 (17). С. 45–48; Иконников Д.С., Калмин О.В., Калмина О.А. Антропологические материалы Тезиковского могильника IV–V вв. // Вестник Пензенского государственного университета, 2018а. № 3 (23). С. 41–50; Иконников Д.С., Калмина О.А., Калмин О.В. Антропологические материалы Кривозерского могильника X–XI вв. // Вестник Пензенского государственного университета. 2018б. № 3 (23). С. 55–66; Иконников Д.С., Калмин О.В., Калмина О.А. Краниологические материалы Беднодемьяновского могильника XIII–XIV вв. // Вестник Пензенского государственного университета. 2019а. № 1 (25). С. 47–58; Иконников Д.С., Калмина О.А., Калмин О.В. Череп из Чернозерского могильника XIV в. // Вестник Пензенского государственного университета. 2019б. № 2 (26). С. 30–33; Иконников Д.С., Калмин О.В., Калмина О.В. Краниологические материалы Примокшанской мордвы-мокши II тыс. н. э. // Археология Евразийских степей, 2024. № 5. С. 227–259. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.227.259; Калмина О.А., Калмин О.В., Иконников Д.С., Илюнина О.О., Головин Р.Е. Антропологическая характеристика черепа XVII–XVIII вв. со следами сифилиса из Кельгининского могильника // Известие высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки, 2023. № 1 (65). С. 96–107.

[17] Рашковская Ю.В., Васильев С.В., Андреев С.И. Палеоантропологические исследование материалов из мокшанского средневекового могильника // Российский журнал физической антропологии, 2024. № 2 (10). С. 34–39. https://doi.org/10.33876/2782-5000/2024-10-2/34-39.

Несмотря на значительное количество исследований, опубликованных по данной теме, в том числе учитывающих данные последних лет, в настоящее время в научный оборот введена весьма незначительная часть имеющихся материалов: есть информация всего о 242 черепах из 23 могильников, неравномерно распределённых по эпохам и территориям (рис. 1). Из них 38 единиц относятся ко II–IV вв., 43 – к IX–XIII вв. и 161 – к XIV–XIX вв. Исследователи полагают, что 81 единица из этой коллекции принадлежит мордве-мокше, 117 – мордве-эрзе и 21 – мордве-терюханам.

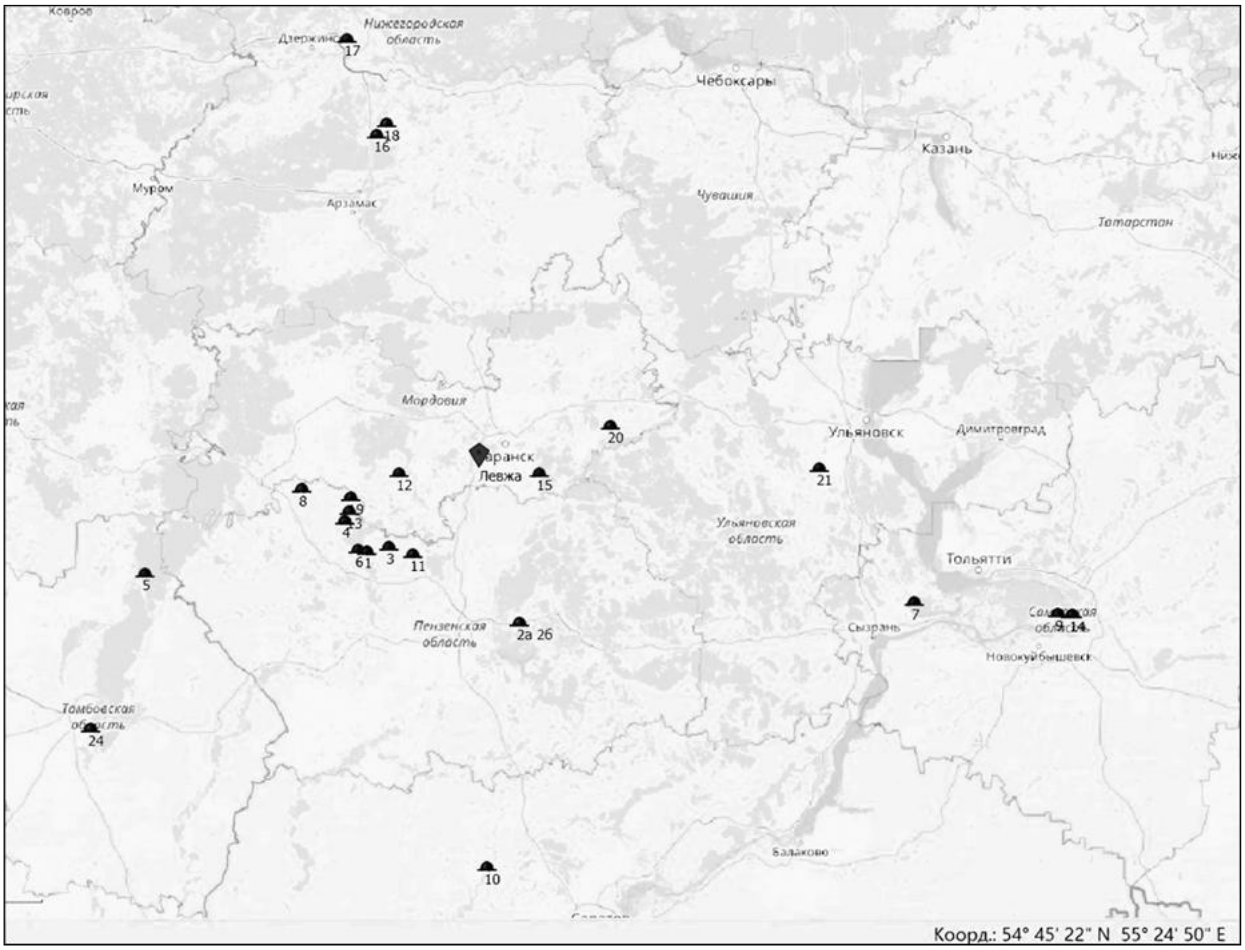

Рисунок 1. Карта расположения могильников[18]

Обозначения: 1 – Ражкинский; 2а – Старший Селиксенский; 2б – Младший Селиксенский; 3 – Голицынский; 4 – Тезиковский; 5 – материалы из могильников на р. Цна; 6 – Кривозерский; 7 – Муранский; 8 – Беднодемьяновский; 9 – Усинский II; 10 – Аткарский; 11 – Чернозерский; 12 – Паевский; 13 – Казбекский; 14 – Барбашинский; 15 – материалы из раскопок у д. Новая-Пырма; 16 – Сарлейский; 17 – Покровская церковь; 18 – Кужадонский; 19 – Бутский; 20 – Шугуровский; 21 – Кельгиниский; 23 – Левжа (обозначено маркером); 24 – Бокинский.

[18] Карта сделана с помощью программы «Спутник Археолога» (Болелов и др., 2022, [Электронный ресурс]. URL: https://www.ivran.ru/sites/28/files/Tezisy_dokladov.pdf, дата обращения – 26.02.2026). Автор выражает благодарность М.Г. Никифорову, кандидату физико-математических наук, доценту Московского государственного лингвистического университета и одному из разработчиков программы, за установку программного обеспечения и помощь в дальнейшей работе с ней.

Могильники II–VII вв. хорошо изучены в основном на территории Пензенской области (Алферьевский, Голицынский, Ражкинский, Селикса-Трофимовский, двухслойный Селиксенский, Тезиковский, Шемышейский могильники). Краниологические материалы из этих памятников, к сожалению, немногочисленны, фрагментарны и нередко представлены лишь отдельными черепами (рис. 1).

Более поздние материалы раннего и позднего средневековья и раннего Нового времени получены из могильников, расположенных на территории Пензенской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Тамбовской областей и Республики Мордовия (серии из раскопок кладбища у с. Шугурово, раскопок у Покровской церкви и из могильников на р. Цна, а также материалы из Кривозерского, Муранского, Беднодемьяновского, Усинского II, Аткарского, Чернозерского, Паевского, Казбекского, Барбашинского, Сарлейского, Кужадонского, Бутского, Новой Пырмы, Кельгининского и Бокинского могильников). За исключением выборок из могильников Новой Пырмы, Бутского, Барбашинского и Муранского, по многим сериям представлены суммарные данные, полученные путем усреднения показателей по отдельным памятникам, что ограничивает возможности их анализа и привлечения в качестве сравнительного материала. Кроме того, отнесение черепов к определённым группам не во всех случаях возможно, что зачастую связано с немногочисленностью отдельных серий и фрагментированностью антропологического и археологического материала. Этническая атрибуция многих могильников до сих пор остаётся спорной.

Существенным пробелом остаётся период XVI–XVIII вв. В связи с тем, что некоторые материалы из могильников представлены единичными черепами, новые данные приобретают большую значимость. В этом контексте могильник Левжа (рис. 1) занимает особое место. Уникальность могильника определяется тем, что в настоящее время он является одним из наиболее полно изученных памятников раннего Нового времени – как по площади (3030 кв. м), так и по количеству найденных захоронений (702 погребения). Введение в научный оборот новых материалов, посвященных краниологии мордвы раннего Нового времени, существенно дополнит информацию об антропологических особенностях мордовского населения XVII–XVIII вв., что позволит в новом свете рассмотреть некоторые стороны происхождения и формирования этого народа.

Цель исследования:

Изучить антропологические особенности мордовского населения XVII–XVIII вв. на основе анализа краниологических данных.

Задачи исследования:

1. Проанализировать историографию исследования антропологического состава мордовского этноса в целом и его субэтнических групп в частности;

2. Описать состояние источниковой базы по палеоантропологии мордовского населения, уделив внимание имеющимся краниологическим коллекциям по мордве, и осветить процесс их формирования;

3. Проанализировать и охарактеризовать половозрастную структуру захороненных в могильнике Левжа;

4. Провести внутригрупповой анализ краниологической серии из могильника Левжа;

5. Определить место исследуемой краниологической серии в системе краниологической изменчивости популяций раннего Нового времени Восточной Европы и выявить основные векторы этногенетических связей населения, оставившего могильник Левжа.

Объектом исследования является краниологическая серия из могильника Левжа (Рузаевский район Республики Мордовия, конец XVII – первая половина XVIII в.), отражающая антропологические особенности мордовского населения раннего Нового времени.

Предметом исследования являются закономерности внутри- и межгрупповой изменчивости краниометрических характеристик серии из могильника Левжа, свидетельствующие об антропологическом составе и популяционных связях мордовского населения.

В качестве **основного источника исследования** в диссертационной работе использована краниологическая серия из могильника Левжа, которая включает 286 черепов (137 мужских, 149 женских), полученная в результате археологических работ на территории Республики Мордовия в 2021 году под руководством И.А. Козмирчука; для сравнения привлечены данные о 53 мужских и 39 женских краниологических сериях с территории Восточной Европы из опубликованных источников.

Методологическая основа и методы исследования обусловлены поставленными задачами. Методология исследования основывается на положении о признании палеоантропологического материала в целом и краниологического в частности в качестве источника исторической информации[19].

Исследование основано на популяционно-типологическом подходе, согласно которому раса представляет собой совокупность индивидов или популяций, занимающих определённый ареал и обладающих специфическим набором признаков[20]. Формирование этого набора обусловлено как адаптационными процессами (приспособлением к среде), так и этногенетическими событиями (историческими изменениями в составе популяций)[21]. В рамках данной концепции расовый комплекс определяется как усреднённая характеристика, свойственная группе, объединяющей

[19] Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 444 с.; Алексеев В.П. Избранное. В 5 томах. Том 3. Историческая антропология и экология человека. М.: Наука, 2008. 616 с.; Дебец Г.Ф. 1948. С. 322–325.

[20] Алексеев В.П. К обоснованию популяционной концепции расы // Проблемы эволюции человека и его рас / Отв. ред. Г.Ф. Дебец, Я.Я. Рогинский. М.: Наука, 1968. С. 228–278.

[21] Проблема расы в Российской физической антропологии / Отв. ред. Т.И. Алексеева, Л.Т. Яблонский. М.: ИЭА РАН, 2002. 96 с.

разные популяции изучаемого региона[22]. В отличие от популяционного подхода, в типологической концепции расовый комплекс рассматривается как свойство отдельного индивида, наследуемое как целое и сохраняющееся во времени[23]. Его основу составляет представление о сцепленном наследовании расовых признаков[24]. Однако носителем расового комплекса выступает группа, а не отдельный индивид. Поскольку именно группы людей несут специфический комплекс признаков, характерный для той или иной расы, определение расовой принадлежности отдельного индивида не может быть обоснованным[25].

Клиналистская концепция, в отличие от популяционной, отрицает объективное существование расовых комплексов. Согласно этому подходу, признаки варьируют постепенно от популяции к популяции (образуя клины – плавные градиенты изменчивости), поэтому границы между группами не могут быть определены[26]. Тем не менее расовый комплекс объективен, наделен совокупностью специфических признаков, имеет географическую приуроченность и позволяет отличать одну расу от другой[27]. Это подтверждается совокупностью данных, полученных на разных уровнях исследования человеческого организма: морфологическом, физиологическом и генетическом и т. д.[28].

Основным методом данного исследования является краниометрический анализ. Полученные данные обрабатывались с применением классических статистических параметров: средние величины, минимальное и максимальное значения признаков, среднеквадратическое отклонение, показатели асимметрии и эксцесса; расчёты выполнялись в программном пакете STATISTICA 12. В рамках анализа оценивался также коэффициент полового диморфизма (КПД)[29]. Для проверки статистических гипотез применялись одномерный параметрический критерий – t-критерий Стьюдента и непараметрический U-критерий Манна–Уитни, а также коэффициент корреляции Пирсона для определения взаимосвязи между результатами многомерного шкалирования и канонического анализа. Кроме того, использовались методы многомерной статистики: анализ главных

---

[22] Бунак В.В. Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизме. Труды Института антропологии МГУ / Отв. ред. М.С. Плисецкий. М.; Л: АН СССР, 1938. Вып. № 4. С. 5–46.; Алексеев В.П. 1969. С. 52.

[23] Бахолдина Ю.В., Гончарова Н.Н., Негашева М.А. Биологическая антропология: учебник / Ю.В. Бахолдина, Н.Н. Гончарова, М.А. Негашева. М.: Изд-во Московского университета, 2025. 342 с.

[24] Проблема расы..., 2002. С. 24; Алексеев В.П. 1979. С. 36.

[25] Алексеев В.П. 1969. С. 50–52; Проблема расы..., 2002. С. 24; Бахолдина Ю.В., Гончарова Н.Н., Негашева М.А. 2025. С. 134.

[26] Бахолдина Ю.В., Гончарова Н.Н., Негашева М.А. Биологическая антропология: учебник / Ю.В. Бахолдина, Н.Н. Гончарова, М.А. Негашева. М.: Изд-во Московского университета, 2025. С. 132.

[27] Бунак В.В. 1938. С. 16–22.; Проблема расы..., 2002. С. 12–14; Аксянова Г.А., Аксянов Е.А. Сравнительная статистическая оценка антропологического разнообразия финно-угров // Антропология современных финно-угорских народов / Отв. ред. А.А. Зубов. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 165–266; Бахолдина Ю.В., Гончарова Н.Н., Негашева М.А. 2025. С. 133.

[28] Проблема расы..., 2002. С. 73.

[29] Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. С. 123–125; Евтеев А.А. Проблема полового диморфизма в краниологии: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: МГУ, 2008. 26 с.

компонентов (PCA) в программе STATISTICA 12 и канонический дискриминантный анализ с помощью программного пакета MultiCan[30]. В результате канонического дискриминантного анализа была рассчитана матрица квадратов расстояний Махаланобиса[31], анализ которой проводился как с поправкой[32], так и без поправки на численность.

Хронологические рамки исследования обусловлены датировкой погребений могильника Левжа, из которого происходит антропологический материал, включенный в данное исследование и относящийся к периоду конца XVII – первой половины XVIII в.

Территориальные рамки исследования. Узкие территориальные рамки исследования охватывают село Левжа (мокш. Левож) в Рузаевском районе Республики Мордовия (Российская Федерация), где расположен одноименный археологический памятник. В расширенном варианте границы включают сопредельные территории и Восточную Европу в целом, поскольку анализ базируется на сопоставительных материалах, полученных в этих регионах.

Положения, выносимые на защиту:

1. Краниологическая серия, представленная могильником Левжа, характеризуется относительной однородностью. Гипотеза, предполагающая принадлежность разных групп захоронений к краниологически отличным типам, не находит подтверждения в полученных данных.

2. Полученные данные позволяют предположить принадлежность краниологической серии из могильника Левжа мордве-мокше. Сравнительный анализ с серией мордвы-эрзи из могильника Новая Пырма выявил достоверные различия по важным краниометрическим признакам: поперечному и высотному диаметрам черепа, наименьшей ширине лба, скуловому диаметру, углу выступания носа, высоте орбиты и назомалярному углу.

3. Краниологическая серия из могильника Левжа отличается большей европеоидностью по сравнению с другими финно-угорскими народами региона; наибольшую близость исследуемая серия обнаруживает с краниологическими сериями русских, а также с наиболее европеоидными финно-угорскими группами – финнами и эстонцами.

4. В сложении антропологического типа мордовского народа преобладающую роль сыграл европеоидный компонент, отличавшийся долихокранной формой черепа и относительно узким, высоким лицевым скелетом. Наиболее отчётливо он прослеживается в краниологическом типе

---

[30] Гончаров И.А., Гончарова Н.Н. Программа MultiCan для анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (MultiCan). Свидетельство о регистрации прав на ПО №2016610803. М.: 2016.

[31] Широбоков И.Г. О поправке на число наблюдений при расчете расстояний Махаланобиса // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2025. Т. 23. № 2. С. 104–114. https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-25-2-9.

[32] Rightmire G.P. On the Computation of Mahalanobis' Generalized Distance (D2) // American Journal of Physical Anthropology, 1969. № 30 (1). Pp. 157–160.

современных мокшан.

Научная новизна

Впервые в научный оборот вводятся результаты изучения обширного краниологического материала, включающего 137 мужских и 149 женских черепов, полученных в результате раскопок могильника конца XVII – первой половины XVIII в. и характеризующих антропологические особенности мордвы раннего Нового времени. С привлечением обширных краниологических материалов с территории Восточной Европы и на современном методическом уровне проведён анализ межгрупповой изменчивости близкого к современности населения региона.

Практическая значимость проведённого исследования заключается в возможности использования полученной информации в качестве сравнительного материала при реконструкции этногенетических процессов и в создании обобщающих научных работ по антропологии и краниологии мордвы в раннее Новое время. Выводы диссертации могут использоваться при разработке специальных курсов и лекций, для написания научных статей и монографий, а также для публикаций в ведущих научных журналах. Результаты исследования были представлены в виде лекции в Кыргызском национальном университете имени Жусупа Баласагына (Бишкек, 27 декабря 2024 г.)[33].

Теоретическая значимость исследования определяется использованием обширного массива краниологических материалов при изучении этногенеза мордвы в раннее Новое время. Полученные данные впервые позволяют охарактеризовать антропологические особенности мордвы этого периода, существенно дополняя и уточняя современные концепции этнической истории региона.

Степень достоверности и апробация результатов

Степень достоверности результатов обеспечивается репрезентативностью проанализированного материала, объём которого соответствует задачам исследования, а также применением достоверных методов статистического анализа. Костные останки измерялись с использованием верифицированных инструментов.

Апробация результатов проводилась в виде выступлений и обсуждений на девяти конференциях, включая: Ежегодную научно-практическую конференцию молодых учёных (КМУ) «Актуальные вопросы этнологии и антропологии» в Институте этнологии и антропологии РАН (Москва, 14–18 ноября 2022 г.), Международную молодёжную научно-практическую конференцию «Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы» в рамках XI Международной археологической школы на базе Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

[33] Кадырбекова Т.К. Методы биологической антропологии [Электронный ресурс]: лекция (Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, 27 декабря 2024 г.) // Институт этнологии и антропологии РАН: официальный сайт. URL: https://iea-ras.ru/?p=16886, (дата обращения – 17.03.2026).

(Болгар, Республика Татарстан, 25 августа 2024 г.), «Молодёжную археологическую конференцию» (МАК) в Новосибирском государственном университете (Новосибирск, 17 ноября 2024 г.), Всероссийскую конференцию «90 лет Мордовской государственности: этапы становления и развития» в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Мордовии (Саранск, 20 декабря 2024 г.), LXV Российскую (с международным участием) археолого-этнографическую конференцию студентов и молодых учёных (РАЭСК-65) в рамках IV Международного алтаистического форума на базе Алтайского государственного университета (Барнаул, 25–28 сентября 2025 г.), Всероссийскую научно-практическую конференцию «Гуманитарные науки в России: достижения и перспективы», посвящённую 105-летию Республики Марий Эл и 95-летию Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола, 2–3 октября 2025 г.), а также Ежегодную научно-практическую конференцию молодых учёных (КМУ) «Актуальные вопросы этнологии и антропологии» в Институте этнологии и антропологии РАН (Москва, 3–5 декабря 2025 г.), XX научную конференцию «Краеведческие чтения: История и культура Карелии в фокусе краеведческих исследований: 20 лет в диалоге» в Национальной библиотеке Республики Карелия (Петрозаводск, 18–19 февраля 2026 г.), Международную научную конференцию студентов и молодых учёных «Ахинжановские чтения – 2026» в Институте археологии им. А.Х. Маргулана совместно с Кустанайским Региональным университетом имени Ахмет Байтұрсынұлы (Казахстан, Алматы – Костанай, 20–22 апреля 2026 г.).

Результаты исследования отражены в пяти публикациях автора, три из которых входят в перечень ВАК РФ[34], а две представлены в виде тезисов в сборниках конференций, индексируемых в РИНЦ[35].

Структура и объём работы

Диссертационная работа объёмом 369 страниц состоит из трёх частей: основного текста, включающего введение, три главы с 12 параграфами, заключение и список литературы (231 страница), и двух приложений (общим

---

[34] Кадырбекова Т.К. Внутригрупповая изменчивость краниометрических признаков в серии из мордовского могильника Левжа (XVII – первая половина XVIII в.) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2025а. № 3. С. 145–161. https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-25-3-13; Кадырбекова Т.К. Краниологические данные к характеристике мордовского могильника Левжа // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2025б. № 4. С. 131–149; Кадырбекова Т.К. Материалы по краниологии мордвы // Ежегодник финно-угорских исследований, 2025в. № 1 (19). С. 81–98. https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/9585 (дата обращения – 07.11.2025) https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-1-81-98.

[35] Кадырбекова Т.К. Материалы к краниологии мордвы XVI–XVII вв.: сравнительный анализ // Комплексное изучение историко-культурного наследия Центральной Азии: сборник материалов LXV Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 250-летию со дня рождения Петра Козьмича Фролова, организатора горнозаводского производства Алтая, собирателя древностей, основателя первого музея в Сибири, а также 140-летию со дня рождения Сергея Ивановича Руденко, известного отечественного ученого, исследователя пазырыкской культуры / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2025г. С. 239–240; Кадырбекова Т.К. Особенности половозрастной структуры населения, захороненного в могильнике Левжа // Ахинжановские чтения – 2026: материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых (г. Костанай, 20–22 апреля 2026 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2026. С. 154–160. ISBN 978-601-08-6042-1.

объёмом 138 страниц). В основном тексте размещены 34 таблицы и 15 рисунков. Приложение № 1 с таблицами занимает 130 страниц и содержит 3 таблицы. Приложение № 2 с иллюстрациями насчитывает 8 страниц и содержит 10 рисунков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность выбранной темы, подробно раскрыта степень изученности данной проблемы, определены объект и предмет исследования, а также сформулированы цель и задачи. Указаны временные и географические рамки исследования, представлена методологическая основа. Проведен анализ источников, выявлена научная новизна и практическая значимость работы. Кроме того, изложены сведения об апробации результатов и описана структура работы.

В первой главе диссертации «**История изучения антропологии мордвы**» представлен анализ литературы, посвящённой антропологическому изучению мордовского народа. Глава состоит из трёх параграфов, последовательно раскрывающих основные направления исследований. В параграфе 1.1. «Антропологические исследования современного населения» на основе анализа литературных источников представлена общая характеристика мордовского этноса. Рассмотрена этимология термина «мордва» и история его формирования. Освещены вопросы бинарного состава этноса (мокша и эрзя), а также различия в культуре между ними и локальными группами (терюхане, шокша, каратаи). Особое внимание уделяется анализу научных работ, посвящённых антропологическим особенностям современного населения. Основной результат исследований современной мордвы – вывод о её неоднородности. Мордва не составляет полного этнического единства и состоит из нескольких этнографических групп, между которыми существуют различия, прослеживаемые по данным лингвистики, истории и антропологии (в том числе соматологии), а также дерматоглифики.

Параграф 1.2. «Краниология мордвы и исследование древнего населения» посвящён истории изучения краниологических материалов мордвы. Проанализированы сведения о могильниках II тыс. н. э. – XVIII в. (названия, местоположение, датировка), из которых происходят краниологические серии, изученные разными авторами. Это позволило проследить процесс накопления материала и на основе опубликованных источников обобщить краниологическую характеристику мордвы. В настоящее время в научный оборот введена незначительная часть имеющихся материалов: имеются данные о 242 черепах. Из них 38 относятся ко II–IV вв., 43 – к IX–XIII вв., 161 – к XIV–XIX вв. Распределение по субэтносам

следующее: 53 черепа отнесены к мордве-мокше, 117 – к мордве-эрзе, 21 – к мордве-терюханам[36].

Параграф 1.3. «Проблема “уральской расы”» посвящён рассмотрению этой проблемы в антропологической литературе: обсуждаются вопросы выделения уральской расы и содержания самого термина. Проанализированы основные концепции и классификационные схемы (И. Деникер, В.В. Бунак, Н.Н. Чебоксаров, Г.Ф. Дебец, Я.Я. Рогинский и М.Г. Левин, В.П. Алексеев, А.И. Дубов, А.Г. Козинцев, В.М. Кондик, А.Н. Багашев). В настоящее время нет единого мнения о происхождении уральской расы, при этом её представители принимали участие не только в формировании мордвы, но и других народов Волго-Уральского региона.

Вторая глава «Материалы и методы» посвящена обзору материала исследования, характеристике основных методологических принципов, положенных в основу представленного исследования, а также описанию использованных методов и включает два параграфа. Первый из них, параграф 2.1. «Общая характеристика исследованного материала», содержит описание палеоантропологических останков из могильника Левжа, ставших основой данной работы. В результате археологических работ было изучено 702 погребения, выполненных по обряду ингумации в грунтовых могильных ямах прямоугольной или овальной формы. Захоронения в подавляющем большинстве одиночные (456), но имелись также двойные (93) и тройные (11). Для всех погребённых характерно вытянутое на спине положение с разной ориентировкой: 486 индивидов были погребены головой на запад или юго-запад, а 191 индивид – головой на север или северо-восток. Из общего числа 702 изученных погребений в 183 случаях были выявлены следы деревянных погребальных конструкций. Численность краниологической выборки составила в общей сложности 286 черепов: 137 мужских, 149 женских.

Параграф 2.2. «Методы исследования» посвящён описанию программ исследования половозрастной структуры могильника, краниологического материала и статистической обработки данных. Распределение половозрастных характеристик было рассмотрено согласно методике Д.В. Пежемского[37]. Для характеристики половозрастной структуры выборки использованы показатели, предложенные тем же автором[38]. Черепа измерены по краниометрической программе[39] в рамках стандартного краниологического бланка, модифицированного А.А. Хохловым и Е.П. Китовым. Полученные данные обрабатывались с применением классических статистических параметров: средние величины, минимальное и

[36] Кадырбекова Т.К. 2025в. С. 90.

[37] Пежемский Д.В. Определение биологического возраста в палеоантропологии и проблема возрастных интервалов // V Конгресс этнографов и антропологов России (Омск, 9–12 июня 2003 г.): Тезисы докладов, 2003. С. 255.

[38] Пежемский Д.В. Половозрастная структура населения Петровского конца средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли, 2010. С. 47–55.

[39] Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964.

максимальное значения признаков, среднеквадратическое отклонение, показатели асимметрии и эксцесса; расчёты выполнялись в программном пакете STATISTICA 12.

В рамках анализа оценивался также коэффициент полового диморфизма (КПД)[40]. Для проверки статистических гипотез применялись одномерный параметрический t-критерий Стьюдента и непараметрический U-критерий Манна–Уитни, а также коэффициент корреляции Пирсона для определения взаимосвязи между результатами многомерного шкалирования и канонического анализа. Кроме того, использовались методы многомерной статистики: анализ главных компонентов (PCA) в программе STATISTICA 12 и канонический дискриминантный анализ с помощью программного пакета MultiCan[41]. В результате канонического дискриминантного анализа была рассчитана матрица квадратов расстояний Махаланобиса[42], анализ которой проводился как с поправкой[43], так и без поправки на численность. Анализ мужских групп проводился по 14 признакам (1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 52, 51, 77, ∠zm', SS:SC, 75(1)) с применением матрицы корреляций И.Г. Широбокова[44], анализ женских групп – с применением матрицы корреляций С.Г. Ефимовой[45]. Для работы в программе были использованы среднеквадратические отклонения исследуемых признаков, взятые из таблиц Г.Ф. Дебеца[46].

Визуализация графиков и диаграмм выполнена в программной среде «R» при помощи программного пакета ggplot2[47].

Третья глава «Результаты и их обсуждение» состоит из семи параграфов. Параграф 3.1. «Половозрастной состав индивидов, захороненных в могильнике Левжа» посвящён анализу особенностей половозрастной структуры могильника. Анализ выявил высокий уровень детской смертности (40,1 %), причём основная доля случаев приходится на ранние возрастные когорты *Infantilis primus* (до 3 лет) и *Infantilis* I (до 7 лет). В подростковом возрасте показатель существенно снижается – до 5,5 %. Зафиксировано также преобладание женских погребений над мужскими. В интервалах с пиковыми значениями смертности выявлена выраженная половая специфика: у мужчин пик приходится на возрастную категорию *Maturus* II (45–55 лет), тогда как у женщин – на категорию *Adultus* (25–35 лет)[48].

Параграф 3.2. «Внутригрупповая изменчивость краниометрических признаков в серии из могильника Левжа» посвящён описанию серии. Морфологические особенности мужской и женской серий черепов из

---

[40] Там же. С. 123–125.; Евтеев А.А. 2008. С. 10.

[41] Гончаров И.А., Гончарова Н.Н. 2016.

[42] Широбоков И.Г. 2025. С. 105.

[43] Rightmire G.P. 1969. Pp. 157–160.

[44] Широбоков И.Г. О применении усредненной матрицы корреляций в краниометрии // Camera praehistorica. 2021. № 1 (6). С. 141–149. https://doi.org/10.31250/2658-3828-2021-1-63-141-149.

[45] Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 95 с.

[46] Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. С. 123–127.

[47] Wickham H. ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis. Springer-Verlag New York, 2016. 182 p.

[48] Кадырбекова Т.К. 2026. С. 159.

могильника Левжа позволяют выделить единый морфологический комплекс с рядом общих характеристик. Среди мужских и женских черепов преобладает мезокранный тип, характеризующийся узким и относительно высоким лицевым отделом. Наиболее заметные различия между полами проявляются в строении лицевого отдела: у женщин наблюдается сочетание общей ортогнатности с тенденцией к прогнатизму в области альвеолярного отдела. Для мужской серии, в отличие от женской, характерны умеренное выступание лица и менее выраженное выступание альвеолярного отдела. В целом черепа из могильника Левжа характеризуются нерезко выраженными чертами европеоидного комплекса признаков[49] (табл. 1).

Таблица 1. Основные статистические параметры мужской и женской краниологических серий из могильника Левжа.

Признаки	♂			♀		
	N	M	SD	N	M	SD
1. Продольный диаметр	116	179,8	6,51	138	174,6	6,61
8. Поперечный диаметр	128	138,8	6,63	134	136,8	5,51
17. Высотный диаметр (*ba-br*)	73	131,2	6,91	89	128,4	6,40
9. Наименьшая ширина лба	124	93,7	3,79	130	92,7	3,97
45. Скуловой диаметр	89	128,2	5,12	98	123	5,64
48. Верхняя высота лица	100	69,9	4,30	115	67,2	3,75
55. Высота носа	112	51,1	3,69	124	49,0	3,11
54. Ширина носа	105	24,9	2,14	113	24,4	1,95
51. Ширина орбиты (от *mf*)	107	41,2	1,82	121	40,2	2,19
52. Высота орбиты	117	32,5	2,59	127	32,3	2,15
77. Назомалярный угол	108	137,1	5,97	113	138,4	5,07
∠zm’. Зигомаксиллярный угол	96	126,5	5,85	96	127,4	6,89
SS:SC. Симотический указатель	61	40,7	6,97	76	37,6	8,05
75(1). Угол выступания носа	41	25,0	3,67	63,0	22,4	4,68

В параграфах 3.3. и 3.4. – «Сопоставление краниологических характеристик погребённых с разным типом ориентировки» и «Сравнение краниометрических признаков погребённых по наличию или отсутствию деревянных конструкций» – представлены результаты внутригрупповых анализов, выполненных на основе археологических маркеров погребального обряда. Сравнение краниометрических особенностей погребённых с разной ориентировкой[50] и сопоставление подгрупп с наличием или отсутствием деревянных конструкций не выявили взаимосвязи между морфологическими характеристиками выборок из могильника Левжа и археологически фиксируемыми различиями погребального обряда. Результаты анализа показывают, что группа населения, представленная могильником Левжа,

[49] Кадырбекова Т.К. 2025а. С. 150–151; Кадырбекова Т.К., 2025б. С. 140; Кадырбекова Т.К. 2025г, С. 240.

[50] Кадырбекова Т.К. 2025а. С. 151–157.

характеризуется относительной однородностью. Гипотеза о различиях в морфологическом комплексе погребённых, выделенных по типу погребального обряда (разная ориентировка головы, наличие или отсутствие деревянных конструкций), не находит подтверждения в полученных данных.

Параграф 3.5. «Обсуждение результатов внутригруппового анализа» посвящён интерпретации полученных данных. Возможно, наличие погребений с разной ориентировкой связано с сакральным значением, которое придавалось расположению могильника в мифологических представлениях мордвы. Согласно планиграфическому анализу, могильник Левжа располагался на холмистом мысе, образованном двумя руслами ручья (Седьляй и Тарханка), омывавшемся водными потоками с двух сторон. В представлениях мордвы вода считалась священной[51] и в погребальном обряде играла очистительную роль. Об этом свидетельствуют такие традиции, как обмывание покойного, окропление избы водой после выноса из неё гроба, мытьё рук и лица после возвращения с кладбища. Мордва верила, что душа умершего «по выходе из тела» должна омываться в воде[52]. Очистительные обряды у мордвы сохранялись вплоть до XX в. После возвращения с кладбища также было принято принимать баню[53]. В связи с этим различная ориентировка погребений в могильнике Левжа, вероятно, определялась не традиционным ориентированием по сторонам света, а именно направлением ручьёв, что и обусловило разнонаправленность погребений – как на юг, так и на север.

Наличие деревянных конструкций в некоторых погребениях могильника Левжа, вероятно, связано с древними представлениями, относящимися к «культу священных деревьев». Эти представления, по-видимому, восходят к обычаю «воздушного захоронения» на деревьях либо к анимистическим воззрениям, согласно которым деревья считались вместилищем душ и духов. Отсутствие подобных конструкций в части погребений, вероятно, отражает изменения погребального обряда на протяжении рассматриваемого периода. Как отмечает Т.П. Федянович, в процессе трансформации погребального обряда некоторые традиционные практики, связанные с представлениями о загробной жизни или со страхом перед умершими, уходили из употребления[54], но при этом отдельные реликты ранних форм религии сохранялись[55].

Параграф 3.6. «Серия из могильника Левжа в контексте межгрупповой изменчивости краниометрических характеристик населения Восточной

---

[51] Шеянова И.И., Никонова Л.И., Лаптева И.В. Современное бытование обычаев и обрядов мордвы Тетюшского района Республики Татарстан (на примере сёл Бессоново, Кирдюшево, Кертели и Угрюм) // Вестник НИИГН при Правительстве Республики Мордовия, 2023. № 4. С. 161–170.

[52] Девяткина Т.П., Жаткин Д.Н. Роль воды в религиозно-магических представлениях и обрядах мордвы // Гуманитарные науки. Филология, 2017. № 1 (41). С. 113–120. https://doi.org/10.21685/2072-3024-2017-1-12.

[53] Федянович Т.П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (кон. XIX в. – 1980-е. гг.) / Т.П. Федянович. М.: Наука, 1997. 183 с.

[54] Там же. С. 155.

[55] Там же. С. 155.

Европы» посвящён межгрупповому анализу. Вещевой инвентарь и детали костюма, обнаруженные в погребениях могильника Левжа, позволили исследователям сделать вывод о том, что они в большей степени характерны для эрзи[56]. Однако наряду с этим в могильнике были найдены формы застёжек – лопастные сюльгамы, характерные только для памятников мордвы-мокши. Часть из них имела на лопастях орнамент в виде зерни и скани, кольца по краям для подвесок и привески из раковины-каури[57]. Сравнительный анализ мужских[58] и женских черепов из могильника Левжа и индивидуальных измерений 33 мужских и 29 женских черепов мордвы-эрзи из могильника Новая Пырма[59] выявил достоверные различия по важным краниометрическим признакам: поперечному и высотному диаметрам черепа, скуловому диаметру, углу выступания носа, высоте орбиты и назомалярному углу. В целом данные различия подтверждаются и на соматологических материалах, что коррелирует с результатами, полученными в ходе изучения современного населения.

В дальнейшем для выявления положения исследуемой серии из могильника Левжа (параграф 3.6.) в системе изменчивости краниологических параметров среди выборок, приписываемых мордве, был проведён межгрупповой анализ (9 мужских и 6 женских серий). Результаты первого этапа межгруппового анализа выявили близость женской серии из могильника Левжа к мордве-мокше, тогда как мужская часть выборки не обнаружила сходства с проанализированными группами[60]. Данное различие может быть обусловлено как малочисленностью отдельных привлечённых серий, так и наличием специфических морфологических характеристик у мужчин из могильника Левжа. Метод многомерного шкалирования (уровень стресса 0,024) подтвердил изолированное положение мужской серии. Анализ женской серии (уровень стресса 0,000) выявил её морфологическое сходство как со сборной серией мордвы-мокши, так и с выборкой из Бутского могильника.

Далее в рамках сравнительного анализа двух независимых выборок из могильников Левжа (N=110[61] женских черепов) и Бутского (4 мужских и 11 женских черепов) был использован U-критерий Манна–Уитни. Так как количество мужских черепов из Бутского могильника составляет всего 4, в анализ была включена только женская серия[62]. Результаты статистического анализа (тест Манна–Уитни) показали наличие достоверных различий между

---

[56] Зеленцова О.В., Ставицкий В.В. V семинар «Древности поволжских финнов в эпоху Средневековья» (научный отчет) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2024. Т. 16. № 1. С. 239–246.

[57] Там же. С. 243; Шигурова Т.А. Нагрудные украшения середины XIX в. в мокшанском женском костюме Инсарского уезда: локальный вариант сел Левжа, Перхляй, Сузгарье // Финно-угорский мир, 2023а. Т. 15, № 3. С. 368–379. https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.368-379.

[58] Кадырбекова Т.К. 2025г. С. 239–240.

[59] Акимова М.С. 1960. (табл. 8).

[60] Кадырбекова Т.К. 2025б. С. 144–145.

[61] Средняя численность выборки определялась как среднее арифметическое значений по 14 признакам.

[62] Акимова М.С. 1960. С. 113–117.

Левжей и Бутским могильником только по симотическому указателю. Черепа из Бутского могильника характеризуются более высокими значениями данного признака, а черепа из могильника Левжа попадают в категорию средних величин. По остальным признакам статистически значимых различий между группами не выявлено.

Результаты межгруппового анализа с привлечением 53 мужских и 39 женских выборок, близких в культурно-хронологическом отношении, показали, что краниологическая серия из могильника Левжа демонстрирует значительное морфологическое сходство с другими мордовскими сериями, которое отчётливо проявляется в системе популяционной изменчивости Восточной Европы в раннее Новое время. К характерным особенностям данного комплекса следует отнести мезокранный тип черепа, сочетающийся с узким и высоким лицевым отделом. Мужская серия из могильника Левжа близка к сборной выборке мордвы-мокши из кладбищ Ульяновской, Самарской (ранее – Куйбышевской) и Пензенской областей, а также к финнам и эстонцам (рис. 2). Женская серия наиболее близка к мордве-мокше из Бутского могильника, к сборной выборке мордвы-мокши Ульяновской, Самарской и Пензенской областей, а также к русским конца XVII–XVIII вв. (рис. 3).

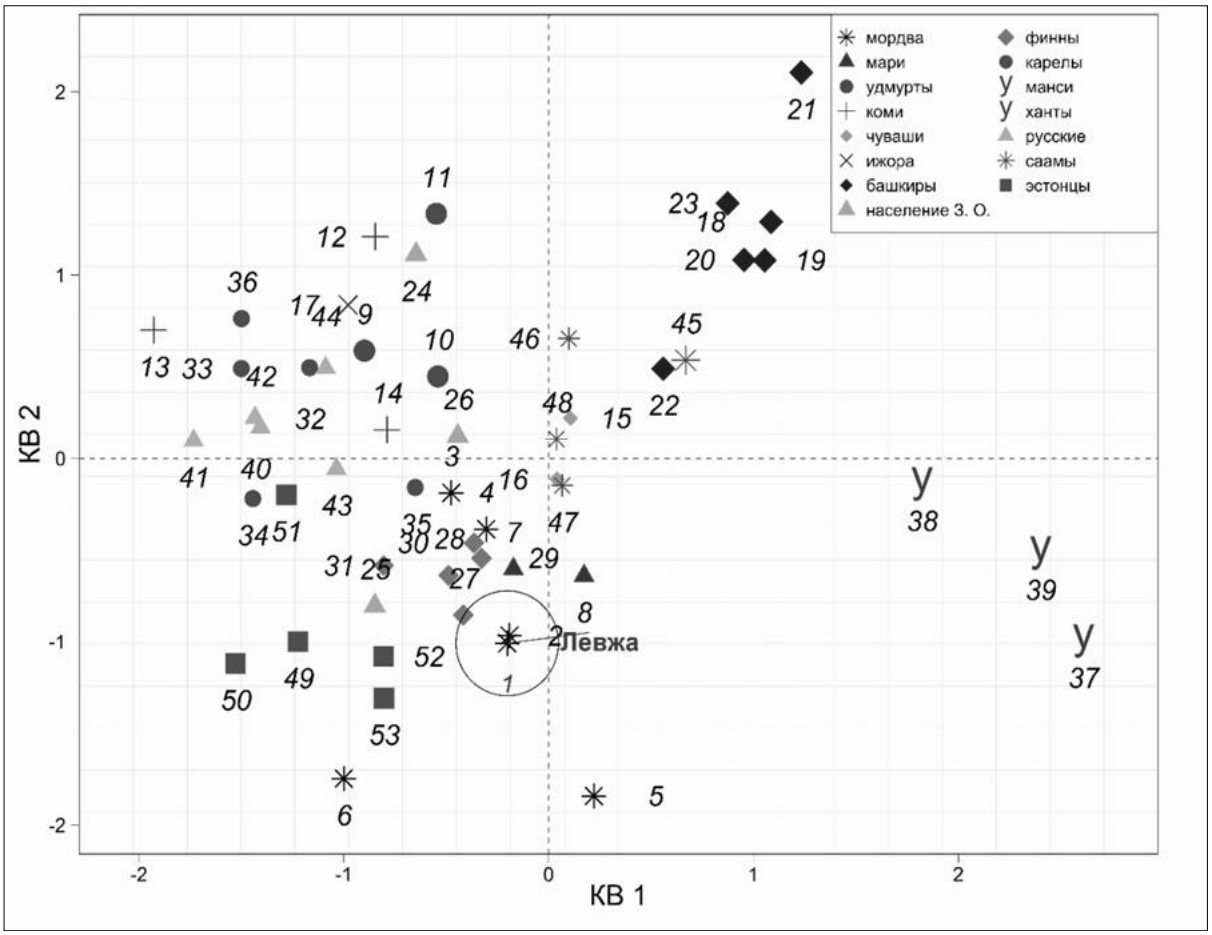

Рисунок 2. Положение мужских краниологических серий с территории Восточной Европы средневековья, раннего Нового времени и Нового времени в пространстве первого и второго канонических векторов

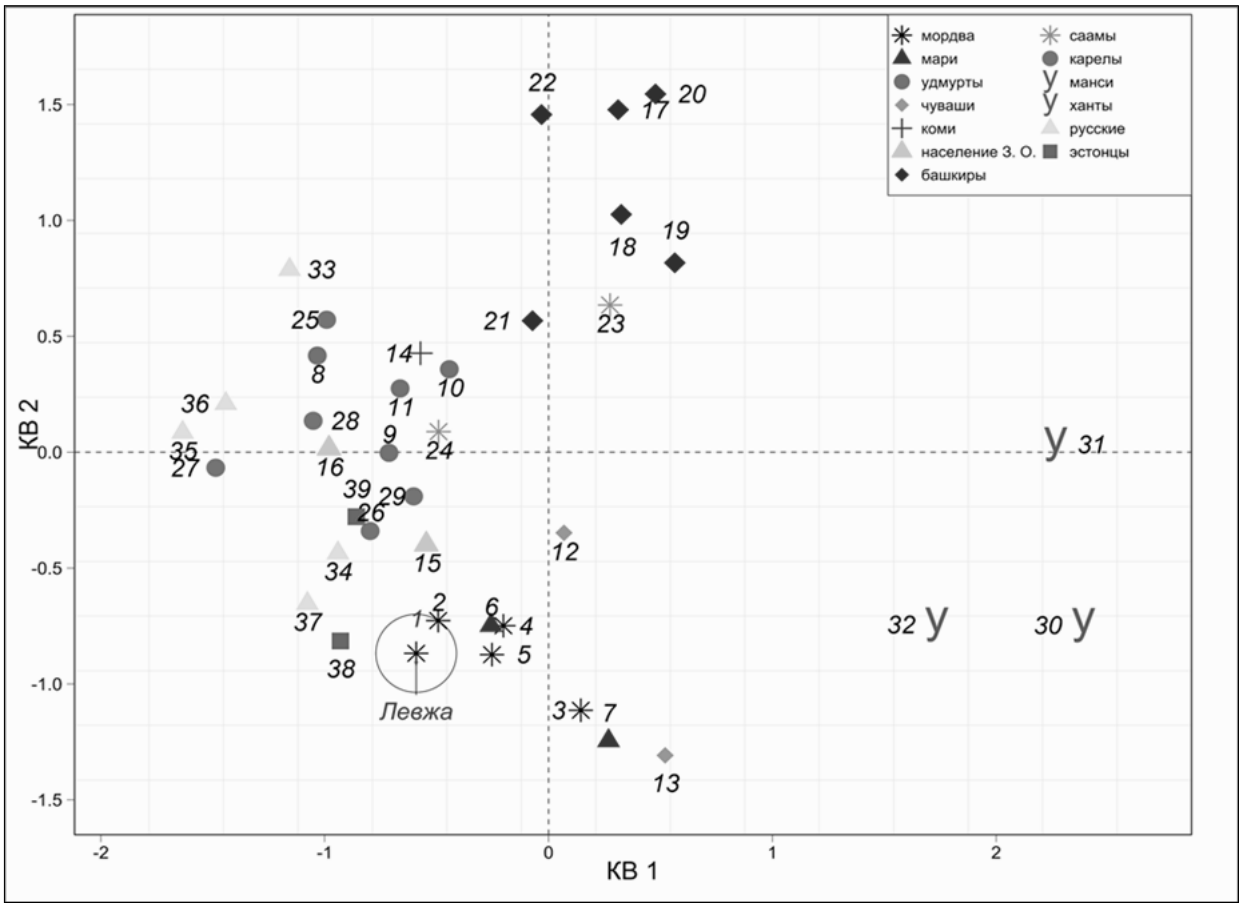

Рисунок 3. Положение 39 женских краниологических серий с территории Восточной Европы средневековья, раннего Нового времени и Нового времени в пространстве первого и второго канонических векторов

Параграф 3.7. «Обсуждение результатов межгруппового анализа» посвящён интерпретации полученных результатов. Выявленные закономерности дают основание сделать вывод, что по степени выраженности субуральского компонента мордва в целом не отличается от русских и прибалтийско-финских народов, краниологические особенности которых сложились на основе европеоидных вариантов переходной зоны между северными и южными европеоидами. Европеоидный компонент сыграл преобладающую роль в сложении антропологического типа мордовского народа, что подтверждается не только данными краниоскопии и генетики, но и данными краниометрии.

В **заключении** подведены итоги работы, отражающие достижение поставленной цели и решение сформулированных задач, обозначены направления для дальнейших исследований.

Результаты проведённого исследования позволяют сформулировать следующие **выводы**:

1. В могильнике Левжа установлен высокий уровень детской смертности (40,1 %), преимущественно в возрастных когортах до 7 лет. Зафиксировано численное преобладание женщин над мужчинами; пик мужской смертности приходится на 45–55 лет, женской – на 25–35 лет.

2. Мужская и женская серии черепов образуют единый морфологический комплекс с мезокранным типом, узким и высоким лицом, нерезко выраженными чертами европеоидного комплекса.

3. Краниологическая серия, представленная могильником Левжа, характеризуется относительной однородностью. Гипотеза о различном антропологическом облике погребённых, заключающаяся в принадлежности разных групп захоронений краниологически отличным группам, не находит подтверждения в полученных данных. Внутригрупповой анализ не выявил статистически значимой связи между краниометрическими характеристиками и маркерами погребального обряда.

4. Полученные данные позволяют предположить принадлежность краниологической серии из могильника Левжа к мордве-мокше. Сравнительный анализ с серией мордвы-эрзи из могильника Новая Пырма выявил достоверные различия по ряду краниометрических признаков: поперечному и высотному диаметрам черепа, скуловому диаметру, углу выступания носа, высоте орбиты и назомалярному углу.

5. Мужская серия из могильника Левжа близка к мордве-мокше, финнам и эстонцам; женская – к мордве-мокше и русским конца XVII–XVIII вв. Это позволяет говорить, что мордва XVII–XVIII вв. характеризуется большей европеоидностью по сравнению с другими финно-угорскими народами региона.

6. В сложении антропологического типа мордовского народа преобладающую роль сыграл европеоидный компонент, характеризовавшийся долихокранной черепной коробкой, относительно узким и высоким лицом. Наиболее отчётливо он прослеживается в краниологическом типе современной мордвы-мокши. По степени выраженности субуральского компонента мордва не отличается от русских и прибалтийско-финских народов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора.

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Кадырбекова Т.К. Внутригрупповая изменчивость краниометрических признаков в серии из мордовского могильника Левжа (XVII – первая половина XVIII в.) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2025а. № 3. С. 145–161. https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-25-3-13.

2. Кадырбекова Т.К. Краниологические данные к характеристике мордовского могильника Левжа // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2025б. № 4. С. 131–149.

3. Кадырбекова Т.К. Материалы по краниологии мордвы // Ежегодник финно-угорских исследований, 2025в. № 1 (19). С. 81–98. https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/9585 (дата обращения – 07.11.2025). https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-1-81-98.

Публикации в прочих изданиях:

4. Кадырбекова Т.К. Материалы к краниологии мордвы XVI–XVII вв.: сравнительный анализ // Комплексное изучение историко-культурного наследия Центральной Азии: сборник материалов LXV Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 250-летию со дня рождения Петра Козьмича Фролова, организатора горнозаводского производства Алтая, собирателя древностей, основателя первого музея в Сибири, а также 140-летию со дня рождения Сергея Ивановича Руденко, известного отечественного ученого, исследователя пазырыкской культуры / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2025г. С. 239–240.

5. Кадырбекова Т.К. Особенности половозрастной структуры населения, захороненного в могильнике Левжа // Ахинжановские чтения – 2026: материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых (г. Костанай, 20–22 апреля 2026 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2026. С. 154–160. ISBN 978-601-08-6042-1.